

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

Есть два средства придать речи красоту:
приятность слов и приятность ритмов

В самом деле, самое трудное в речи, как
и в жизни, – это понять, что в каком случае уместно

Красноречие ораторов всегда
руководилось вкусом слушателей

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Марк Туллий Цицерон
Ораторское искусство
с комментариями
и иллюстрациями
Серия «Популярная
философия с иллюстрациями»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65296431
Ораторское искусство. С комментариями и иллюстрациями.
Хрестоматия: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-133967-8

Аннотация

Марк Туллий Цицерон – блестящий оратор и политик, современник Гая Юлия Цезаря, заставший крах республиканских институтов Рима. Философия и риторика в его понимании были неразрывно связаны – философия объясняла, почему гражданин должен быть добродетельным, а риторика показывала, что даже один гражданин может стать убедительным для всех сограждан.

В новую книгу серии «Популярная философия с иллюстрациями» вошли отрывки из риторических трудов Цицерона, показывающие, какими качествами должен обладать

оратор, а также фрагменты из политических сочинений, в которых раскрывается природа государства и законов. В третьей части приведены три из пяти Тускуланских бесед, содержащие размышления о важнейших философских вопросах – как остаться доблестным, славным и счастливым перед лицом смерти и тем самым обрести бессмертие души и гражданское бессмертие.

Все тексты снабжены подробными комментариями и разъяснениями профессора РГГУ Александра Маркова.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Оратор как философ	6
Из риторических трактатов	12
О наилучшем виде ораторов	14
Оратор	28
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марк Туллий Цицерон
Ораторское искусство
С комментариями
и иллюстрациями
Хрестоматия

© А. В. Марков, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2021

© М. Л. Гаспаров (наследник), перевод, 2021

© Издательство АСТ, 2021

Оратор как философ

Марк Туллий Цицерон (106—43 до н. э.) — для нас нарицательное имя блестящего оратора и политика. Но если бы Цицерон был только красноречивым политиком, то его бы вряд ли помнили в наши дни, а его помнят даже те, кто редко задумывается о Риме, о его истории и о судьбах его поэтов, ораторов и философов. Просто как политик он был образцовым в своей гражданской доблести: он показывал, каким должен быть человек, ставящий благо и процветание граждан выше любых собственных интересов. Поэтому всякий современный государственный деятель, в какой бы стране он (или она) ни жил, продолжает дело Цицерона, если стремится к справедливости и воспитанию в гражданах мужества и ответственности. А кто желает, чтобы личное счастье не противоречило общественному, а, напротив, вносило в него вклад — тот непременно должен раскрыть книги Цицерона.

Цицерон происходил из рода знатного, но не особо славного: само прозвище означает всего лишь Горошина, вероятно, из-за формы носа одного из предков. Отец Марка Туллия был слаб здоровьем и потому, несмотря на выдающиеся способности, не смог сделать политическую карьеру. С детства будущий великий ритор понимал, что не может опираться ни на влияние родственников, ни на авторитет предков, ни на победы самых близких людей в сражениях. Чтобы послу-

жить Риму, чтобы содействовать его славе, в лучах которой только и можно обрести собственную славу, надлежало действовать самому.

Когда Марку Туллию исполнилось 15 лет, его отец переехал из небольшого городка под Римом в сам Вечный город, что позволило юноше приобретать блестящее образование: он брал уроки у лучших риторов и философов. Молодой Цицерон понимал, что одних уроков недостаточно: нужно участвовать в дискуссиях кружков, понимать аргументы разных философских школ и уметь спорить с философами и вообще самыми учеными людьми.

Цицерон вскоре стал успешным адвокатом, но его больше интересовала не слава блистательного победителя в суде, но размышления о том, на чем держится благополучие Рима. Он понял, что Рим имеет все возможности и дальше расширяться, побеждать, поддерживать себя как мировую державу. Для Цицерона залогом такого торжества его государства над миром были сложная политическая система сдержек и противовесов, соединения разных форм и традиций власти и, конечно же, старые добрые нравы римских граждан, благодаря которым они принимают взвешенные и осмотрительные решения. На каждую свою речь Цицерон смотрел как на урок благоразумия для всех сограждан.

Когда Цицерон начинал свою философскую деятельность, в Риме было две основных влиятельных школы, пришедших из Греции вместе с заезжими греческими интеллектуалами и

подкрепленных переводами модной греческой литературы: эпикурейцы и стоики. Эпикурейцы учили частному тихому счастью, и это была легкая популярная философия, вроде нынешних массовых книжек о том, как избегать конфликтов и найти цель в жизни. Стоики, наоборот, требовали гражданского мужества, терпения, выдержки, перенесения боли, и поэтому к стоицизму склонялись самые добродетельные люди Рима.

Распространению философии способствовал созданный полководцем Сципионом Африканским интеллектуальный кружок, и хотя Сципион умер еще до рождения Цицерона, тот прекрасно понимал причины влияния этого кружка и выводил его участников как героев своих диалогов, как незримых собеседников для своих современников. Цицерону были важны также идеи Платона, создателя школы академиков, и Аристотеля, создателя школы перипатетиков, и та форма диалога, которую пестовали эти два великих философа. Хотя Цицерон критиковал многие мысли Платона и Аристотеля, он ценил их мастерство создания диалогов, диалектических рассуждений по любым предметам и считал, что римская философия получит настоящее развитие, если соединит диалектику двух самых почтенных греческих философов с мужественной этикой стоицизма. Так он всегда звал людей прошлого в собеседники настоящему.

Политическая карьера стала во многом продолжением риторической карьеры Цицерона, в частности речей против

Верреса, римского чиновника, пойманного на злоупотреблениях. Цицерон получил титул «отца отечества» за разоблачение заговора Катилины. Но государственная деятельность не оставляла места для занятий философией: слишком со многими приходилось спорить, слишком многим противостоять, не говоря уже об организаторских заботах.

Победа триумvirата Цезаря, Помпея и Красса в 60 г. до н. э. и сворачивание республиканских институтов тяжело переживались Цицероном. Он начал отходить от политики, хотя иногда выступал как адвокат, и постепенно обратился в основном к литературной деятельности. Он решил обучать ораторов и граждан не только устным, но и письменным словом – для первой цели создавал риторические, а для второй – философские трактаты. Интересующие нас сочинения Цицерона написаны в форме диалогов: это была лучшая форма разговорной речи на письме, учившая формулировать мысли на ходу и сразу делать их общезначимыми.

Если в Греции философию и риторику часто противопоставляли, потому что философия служит истине, а риторика – только мнению, то для Цицерона они – две стороны одного гражданского дела. Философия объясняет, почему гражданин должен быть добродетельным, а риторика показывает, что даже один гражданин может стать убедительным для всех сограждан. Соединить философию и риторику значило для Цицерона спасти республику – сделать так, чтобы голос добродетельных республиканцев был услышан, а их нрав-

ственная добродетель послужила примером всем будущим поколениям.

К несчастью, Цицерон потерпел политическое поражение и был убит. Но и превратившись из республики в империю, Рим сохранил благоговение перед философией. Ее серьезно изучали поэты, например, Гораций, и императоры, в частности Марк Аврелий. Если бы Цицерон не сделал философию убедительной и восхищающей душу, она бы отошла в прошлое, как многочисленные политические или литературные кружки. Но воспеть «всё» или править «всем» — это и означало для римлянина быть философом. А дальше в истории, вплоть до наших дней, это философское чувство хотя бы немного воспринимают все, кто считает себя гражданами: они действуют смело и вдохновенно и поэтому умеют делать свою страну лучше даже в самых сложных обстоятельствах.

Настоящий сборник состоит из трех частей. В первую включены отрывки из риторических трудов Цицерона, показывающие, какими качествами должен обладать оратор. В этих трудах обосновываются умеренность, выдержка и внимание как философские добродетели, показывается, что правильно владеть словом — задача не только выражения и манеры вести себя, но и доблестного самообладания, внутренней работы над собой. Во вторую часть включены фрагменты из политических сочинений, в которых Цицерон раскрывает природу государства и законов. Наконец, в третьей части приведены полностью три из пяти Тускуланских бесед

– размышлений о важнейших философских вопросах, таких как смерть, боль и страдание. Для Цицерона это гражданские вопросы – как остаться доблестным, славным и счастливым перед лицом смерти и тем самым обрести как бессмертие души, так и гражданское бессмертие.

Составитель благодарит знатоков античной философии Марину Николаевну Вольф и Ольгу Викторовну Бартошевич-Жагель за многообразную поддержку в ходе создания этой хрестоматии. То, что вы делаете – неоценимо не в стертом, а в настоящем значении – другого такого не бывает.

Александр Марков
профессор РГГУ и ВлГУ

Из риторических трактатов

В эту часть книги включены фрагменты из двух важных трактатов – «О наилучшем виде ораторов» (*пер. В. А. Алексеева, Ф. Ф. Зелинского*) и «Оратор» (*пер. М. Л. Гаспарова*). Мы порой воспринимаем риторику исключительно как практический навык говорить ярко и убедительно. Но для Цицерона риторика – не просто увлекательные выступления, это театр, где встречаются все граждане и вместе вырабатывают серьезную государственную позицию. Для Цицерона плох ритор, который просто воздействует на толпу, и хорош ритор, который толпу учит ответственному суждению. Цель Цицерона – доказать, что ритор-философ всегда победит просто ритора: последний не защищен ни от безвкусицы, ни от напыщенности, ни от следования готовым образцам, тогда как ритор-философ критически относится к ним, сдержан и осторожен, и поэтому его «актерство» гораздо привлекательнее даже для публики, поначалу ему не доверявшей.

В трактате «О наилучшем виде ораторов» Цицерон формулирует, как ритор может раскрыть собственные таланты, с опорой на разные жанры литературы и разные привычки восприятия. Цель трактата – показать, что хороший оратор может работать в любом жанре, употреблять любые честные аргументы и тем

самым способствовать процветанию всех сторон жизни государства.

Трактат «Оратор» дает ряд практических советов, касающихся подбора слов и аргументов, выбора стиля и стратегии убеждения. В отличие от греческих предшественников, Цицерон много внимания уделяет самому представлению, ходу выступления, говорит об импровизации и амплуа оратора как актера. Для него важно, чтобы оратор не просто выбирал между сухостью и строгостью аттической школы и пышностью и эффектностью азиатской школы, этих двух соперничающих риторических школ, зародившихся, соответственно, в Афинах и на греческом Ближнем Востоке, но понимал недостатки обеих школ и то, что простое следование ученическим рецептам, даже самым прекрасным, идеального оратора не создаст. Цицерон бывает очень ироничен, споря и с аттицистами, и с азианистами; но при всем политическом консерватизме он призывает оратора к обновлению своего инструментария и неожиданным импровизациям.

О наилучшем виде ораторов

Ораторов разделяют на категории так же, как и поэтов; это сопоставление, однако, неправильно. Поэзия действительно разнородна: и трагедия, и комедия, и эпос, и мелическая лирика, и дифирамб – все они обладают своими особыми свойствами, отличающими их от других; так в трагедии комические элементы считаются ошибками, в комедии – трагические, да и в остальных разновидностях есть свой определенный стиль, свои известные сведущим людям приметы.

Категории – в оригинале «роды», Цицерон говорит о частом в его времени делении ораторов на разряды в зависимости от преобладающей стилистики в речах. Стиль понимался в риторической культуре как соответствующий предмету, более того, изобретающий предмет: о высоком предмете лучше говорить высоким слогом, и сам он тогда будет выглядеть высоким, о грубых вещах – грубым слогом и т. д. Но в массовом восприятии, против которого возражает здесь Цицерон, эти свойства могли переноситься на самого оратора, как мы часто ошибочно представляем актера и в жизни в его актерском амплуа или столь же ошибочно предполагаем счастливую жизнь писателя, пишущего о счастливых событиях.

Мелика – способ исполнения лирического произведения: например, сольное или хоровое

исполнение. Последнее требовало участия нескольких музыкантов, с разными инструментами – одни инструменты задавали ритм, а другие – определяли движение мелодии. Можно условно сопоставить сольную лирику с нашим романсом, а хоровую – с рок-поэзией.

Дифирамб – песнь в честь Диониса, торжественная хоровая песнь на несколько голосов. Цицерон выделяет ее в отдельный вид, вероятно, из-за сложного строения, включавшего разные песенные партии, что сближало дифирамб с трагедией.

Приметы – буквально: «голос», то есть обусловленное литературным жанром музыкальное решение, по которому мы узнаем жанр с самых первых звуков исполнения.

Если же кто и ораторов разделяет на несколько разрядов, объявляя одних «возвышенными», или «величавыми», или «богатыми», других – «простыми», или «тонкими», или «немногословными», третьих – «средними» между теми и другими – то он дает этим скорее характеристику представителей, чем самих родов красноречия. Действительно, рассуждая о роде, мы имеем в виду идеал; говоря о представителе, мы берем его, каков он есть. Так в эпосе мы можем исходить от его главы – если кто считает его таковым – Энния, в трагедии – от Пакувия, в комедии – скажем, от Цецилия.

Идеал – буквально: «лучшее». Цицерон часто настаивает, что в каждом роде есть некий идеальный

тип. Его можно сконструировать, созерцая лучшее в вещах такого рода. В частности, обосновывая риторическое «изобретение», то есть нахождение лучшего предмета для речи, Цицерон вспоминал древнегреческого живописца Зевксиды. Ему для создания портрета Елены Троянской понадобилась не одна модель, а несколько, и только тогда он смог воссоздать предполагаемый облик Елены. Этот анекдот о Зевксиде стал хрестоматийным и до сих пор влияет на представление о художественной литературе как выводящей «типы», «типажи».

Глава – буквально: «вершина», общее для античной риторики и истории литературы представление, что основатель жанра является его законодателем, классиком. Цицерон называет римских основателей этого жанра. Он оспаривал этот тезис применительно не только к ораторам, но и к поэтам, предполагая, что до Гомера были другие поэты, он замечал, что «не бывает ничего одновременно новоизобретенным и уже совершенным».

Ораторское же искусство я не стану разбивать на разряды, если мне нужен его идеал. Идеал его один; кто от него отдалается, тот отличается от него не родом, как Теренций от Акция, а степенью внутри одного и того же рода. Идеальный оратор – тот, кто в своей речи и поучает слушателей, и доставляет им наслаждение, и подчиняет себе их волю; первое – его долг, второе – залог его популярности, третье – необходимое условие успеха.

Если поучение и наслаждение приписывались и канонической письменной речи (по крылатому выражению Горация, «смешивать приятное с полезным»), то третье качество, причинение возбуждения, требовало исполнения, перформанса. Весьма трудно передать это *moveo* (буквально: «двигать, двигаю»), одним русским словом: можно сказать и «трогать», как мы говорим о «трогательном рассказе», и «возбуждать», как мы говорим «возбуждать интерес», и «толкать» или «влечь», как мы говорим «дает толчок» или «увлекательный, привлекательный, влекущий». В любом случае речь идет не о провоцировании поступка, но об определенном душевном расположении, в том числе для совершения поступков и для размышлений.

К этому идеалу иной приближается более, другой менее; но это различие количественное, а не качественное. Идеал, повторяю, один; степенью сходства с ним определяется и близость к нему отдельных представителей; отсюда видно, что чем менее кто с ним схож, тем он хуже.

Учение о совершенстве в искусстве как приближении к заранее данному идеалу менее всего похоже на тот поиск оригинальности и необычности, которым славится античная эстетика. Но заметим, что для Цицерона единственность идеального образа оратора означает, что мы имеем право говорить об ораторском искусстве как едином роде деятельности,

независимо от тематики или стилистики. Такой идеал – своего рода аксиома, от которой мы отсчитываем степени совершенства ораторов, но эту аксиому никогда не разворачиваем и не характеризуем – она служит инструментом характеристик, но не предметом.

Объяснюсь точнее. Так как речь составляют слова и мысли, оратор первым делом должен стремиться к тому, чтобы – говоря вообще чистым и правильным языком, что мы и разумеем под своим требованием «латинской» речи – изящно уметь обращаться со словами, как в их прямом, так и в их переносном значении, а именно: из прямых выбирать наиболее подходящие, из переносных – те, которые представляют наиболее точек соприкосновения, соблюдая притом меру при заимствованиях из чуждых областей.

Требование избегать сложных, напыщенных метафор, выдвинутое еще в «Поэтике» и «Риторике» Аристотеля и затем воспроизводившееся в любых риторических пособиях, дополнено требованием уместно употреблять слова в прямом значении, иначе говоря, выбирать из нескольких синонимов наиболее подходящий: стилистические задачи смыкаются здесь со смысловыми. «Изящно» – латинское слово *eleganter* – означает не столько «элегантно» в привычном нам смысле, сколько «отборно», отобрав самые полновесные и потому убедительные слова.

Мыслей же столько же родов, сколько и достоинств в красноречии: для поучения требуются мысли меткие, для доставления удовольствия – остроумные, для убеждения – веские. Затем, и чередование слов подчинено особым законам, цель которых двойная, ритм и благозвучие, – и мысли должны

следовать друг за другом в особом порядке, именно том, который нужен для доказательства данного положения. Фундаментом всего этого мы должны признать память, сверкающей верхушкой – исполнение. Итак, вот что я хочу сказать.

Благозвучие – буквально: «легкость», способность текста быть легко воспринятым на слух.

Память и исполнение – четвертый и пятый этапы работы оратора, после «изобретения» (поиска подходящих аргументов), «расположения» (поиска нужных композиционных решений) и «произнесения» (пробного исполнения, которое позволяло найти нужный ритм и тон речи). Сверкающая верхушка (*lumen*) – образ яркого дня, противопоставленный фундаменту, лежащему в темной земле.

Кто всеми указанными средствами располагает в наивысшей степени, тот будет совершенным оратором; кто в средней – посредственным, кто в низшей – дурным. Но ораторами они будут все, так же, как и живописцами мы называем и плохих представителей этого искусства, и отличаются они друг от друга не своими специальностями, а степенью своего таланта.

Степень таланта – буквально: «работоспособность, способность легко что-либо сделать», *facultas*, что, скорее, ближе к нашему «профессионализму».

И вот причина, почему нет оратора, который не желал бы быть похожим на Демосфена; напротив, Менандр не желал походить на Гомера – условия его поэзии были другие. Вот именно этого качественного различия в ораторском искусстве нет; если же и встречается, что один в погоне за величиною пренебрегает тонкостью, другой ради меткости жертвует красивым слогом – то это встречается только на средней, а не на высшей ступени. Высшая же ступень принадлежит тому, кто все достоинства в себе совмещает.

Менандр (342–291 до н. э.) – крупнейший представитель «новой аттической комедии» – бытовой, в отличие от политической Аристофана. Цицерон для убедительности берет представителей двух наиболее непохожих литературных жанров (в оригинале стоит не «условия», а «род»).

Все это изложено мною в более кратком виде, чем этого требовала тема, но для моей ближайшей цели и сказанного достаточно. Мы установили, что идеал один; теперь спрашивается, где его искать. Отвечаю: в том красноречии, которое процветало некогда в Афинах. Но в том-то и дело, что аттические ораторы знакомы людям гораздо более по своей славе, чем по своей силе: отсутствие у них недостатков замечено многими, многочисленность же достоинств – мало кем. Под недостатками мы разумеем: по отношению к мысли – логическую превратность, отсутствие связи с делом, недостаточную меткость, привкус пошлости; по отношению к словам –

испорченность, вульгарность, несвойственность, жесткость, чрезмерную изысканность.

Сила (vis) – примерно соответствует нашему выражению «раскрытие таланта». Цицерон имеет в виду, что афинских ораторов (Аттика – область вокруг Афин) все ценят за безупречность речи как образец хорошего стиля речи или письма, но при этом мало кто понимает, в чем их особый талант.

Привкус пошлости – буквально: «некоторая пресность», отсутствие остроумия, однообразие без требуемой иронии и шуток, скучное и претенциозное изложение.

Чрезмерную изысканность – буквально: «слишком долгую обработку», отсутствие некоторой небрежности считалось дурным вкусом.

Этого, разумеется, избегли как аттики, так и их последователи; если вся заслуга только в этом и состоит, то пусть они считают себя и здоровыми, и крепкими, но лишь в собственной каждому ученику палестры мере: он может прохаживаться по колоннадам гимнастических зал, но не состояться из-за олимпийского венца. Мы же будем подражать – если хватит сил – тем, которые, будучи свободны от недостатков, не довольствуются добрым здоровьем, но стремятся приобрести силы, выпуклые мышцы, обилие крови, приятный цвет кожи; если же не хватит, то все же скорее безукоризненно здоровым, какими были все аттики, чем болезненно тучным, каковых во множестве произвела Азия.

Палестра – в Древней Греции спортивная школа, площадка для профессиональных спортивных занятий. Колоннада, или портик (ксист) – необходимая часть гимнастического зала, крытая часть сооружения, предназначенная для упражнений в плохую погоду.

Обилие крови – античность не знала кровообращения, поэтому обилие крови (сангвинизм) отождествлялось с энергичностью. Образ ленивой и потому толстеющей Азии в очередной раз доказывает склонность Цицерона к грубым шуткам, примеры которых приводит Плутарх в своем «Жизнеописании Цицерона».

Имея в виду эту вторую цель, мы – если мы только ее достигнем, что не так-то легко, – будем подражателями Лисия и специально его простоты (дело в том, что и он во многих местах говорит возвышенно; но, так как он большею частью писал речи частного характера, да и те для других ораторов, и притом о маловажных делах, то он производит впечатление писателя сухого, нарочно изощрившего свой талант в области мелких процессов).

Лисий (ок. 445–380 до н. э.) – афинский оратор родом из Сиракуз, создавший образцовый стиль судебного красноречия. Его речи, направленные на скорейшее убеждение судей, действительно лишены украшений, довольно сухи и фактичны. Цицерон говорит, что речи Лисия посвящены частным вопросам, отдельным юридическим случаям и поэтому он сух,

как скромная пища, лишен привлекательного изобилия разных фигур речи.

Человек, достигший этой цели – но только этой и поэтому не способный при всем желании говорить «обильно» – может называть себя оратором, но только из разряда меньших, так как великому оратору необходимо владеть высоким стилем, если встретится соответственное дело.

Обилие – термин риторики, означающий умение рассматривать множество тем, сопоставлять разные предметы, ссылаться на множество фактов, в противовес тому, как судебная речь сосредоточена только на слушаемом деле. Сопоставления при этом бывали неожиданными, и получался высокий стиль: способный вскружить голову, заставляющий почувствовать масштаб происходящего, меняющий отношение слушателей сразу ко многим вещам.

Так-то Демосфен, несомненно, сумеет говорить простым стилем, Лисий же возвышенным – не всегда. Если же мои противники воображают, что было уместно – в то время как форум и все окружающие форум храмы кишели солдатами, – говорить за Милона точно так же, как если бы я вел частное дело перед единоличным судьей, то они к ораторскому искусству прилагают мерилу собственного таланта, а не самого предмета.

Цицероновская речь в защиту Милона была посвящена вооруженному политическому конфликту,

и в ней мы находим множество признаков высокого стиля: частое употребление превосходной степени, неожиданные сравнения и метафоры, вроде «опаленный» в значении «переживший пожар», приведение скандальных фактов, восклицания, упреки и призывы. Скандальные расследования тоже относились к высокому стилю, так как изумляли всех присутствующих и производили на них неотразимое впечатление.

Они между тем усердно распространяют мнение, одни – что именно они-то и говорят по-аттически, другие – что из наших так никто не говорит. С первыми я спорить не буду: им достаточно ответил их собственный опыт, состоящий в том, что они или не приглашаются в поверенные, или, будучи приглашены, вызывают насмешки (именно насмешки, а не смех: смех – примета аттического красноречия).

Смех – «аттическая соль», понимался не как высмеивание, а как умение вызвать смех, неожиданный для самих слушателей. Аттическое красноречие должно было воздействовать не столько на воображение, сколько на привычные чувства, – и поэтому неожиданный для самого смеющегося смех как бы встряхивал его чувства, становился приправой к ним как соль.

Что же касается тех, которые оспаривают мою прикосновенность к аттическому стилю, сами не выдавая себя за ораторов, – то, если они обладают чуткостью уха и тонкостью

суждения, их можно привлечь в качестве критиков на тех условиях, на каких при оценке картины привлекают также и тех, которые, не будучи живописцами, умеют, однако, здраво судить о живописи.

Здраво – в оригинале буквально: «с некоторой находчивостью»; имеется в виду умение зрителей понимать не только что изображено, но и как изображено, как устроено само ремесло. Цицерон говорит о способности слушателей, не учившихся ораторскому мастерству, познавать существенные особенности аттического стиля.

Если же все их знание состоит в их неспособности поддаваться обаянию речи и им поэтому не нравится высокий и роскошный слог, то пусть они так и говорят, что они требуют от оратора лишь тонкости и гладкости рассуждения и не признают величавой и прекрасной речи. Но пусть они перестанут называть ораторов тонких единственными представителями аттического, т. е. здорового и чистого, стиля; речь при всей своей чистоте торжественная, прекрасная и обильная, тоже свойственна Аттикам.

Гладкость – в риторике не столько ровное изложение, сколько отсутствие украшений, привлекающих внимание и мешающих сосредоточиться на теме слушателям, у которых плохо развиты воображение и эмпатия, которые не умеют «поддаваться обаянию речи».

Но и помимо того: если нам предстоит выбор между речью только удовлетворительной и речью, возбуждающей кроме удовлетворения еще и восторг, — может ли наш ответ быть сомнительным? Это касается уже не вопроса об аттическом, а вопроса об идеальном красноречии.

А так как лучшие из греческих ораторов были афинские, их же глава несомненно, Демосфен, то отсюда следует, что тот, кто воспроизведет стиль Демосфена, будет заодно и самым аттическим и наилучшим оратором. <...>

Оратор

<...> Ибо что может быть тяжелее, чем решить, каков лучший образ и как бы лучший облик речи, когда славные ораторы так не похожи друг на друга? <...> Итак, ты все чаще меня спрашиваешь, какой род красноречия нравится мне больше всех и каким я представляю себе то красноречие, к которому ничего уже нельзя прибавить, которое я считаю высшим и совершеннейшим? Но тут я боюсь, что если я выполню то, чего ты хочешь, и обрисую такого оратора, какого ты ищешь, этим я ослаблю усилие многих, кто в бессилии отчаянья откажется посягать на то, чего не надеется достигнуть.

Образ (*species*) – обычный для Цицерона перевод греческого слова «идея», внешний вид, образец. Здесь приобретает еще оттенок «замысел», «проект», в отличие от «облика» (*figura*, перевод греческого слова «схема»), что можно было бы понять и как «конструкцию» речи, и как производимое ей «впечатление». Тем самым в начале трактата поставлен вопрос, что лучший замысел непременно получит – и должен получить – лучшее воплощение, причем о замысле говорить несколько проще, чем о воплощении.

Но по справедливости, на все должны посягать все те, в ком есть желание прийти к цели великой и достойной вели-

ких усилий. А у кого не хватит природных данных или силы выдающегося дарования или кто будет недостаточно просвещен изучением великих наук, пусть и он идет по тому пути, по какому сможет, ибо если стремиться стать первым, то не позорно быть и вторым и третьим.

Дарование (ingenium) – врожденные способности, например сообразительность или хорошее воображение, в отличие от природных данных, таких как громкий голос или легкость движений.

Великие науки – так Цицерон называет риторику, потому что она требует долгого времени движения к совершенству и немалого опыта политической или судебной деятельности.

Ведь и среди поэтов есть место не одному Гомеру, если говорить о греках, и не одному Архилоху, или Софоклу, или Пиндару, но и вторым после них, и даже тем, кто ниже вторых. Так же и в философии величие Платона не помешало писать Аристотелю, и сам Аристотель своими поистине дивными знаниями и плодovitостью не угасил усердия остальных. <...> Поэтому тем, кто посвятил себя изучению красноречия, незачем терять надежду или ослаблять усердие: даже в достижимости совершенства не следует отчаиваться, а в высоких предметах прекрасно и то, что лишь приближается к совершенству.

Высокими предметами Цицерон называет искусства, прежде всего речевые, поэзию и риторику,

а также присоединяет к ним философию и изобразительные искусства. Философия способна обращать ум к самым высоким мыслям, а изобразительные искусства — показать недостижимую, ни с чем не сравнимую красоту.

Впрочем, создавая образ совершенного оратора, я обрисую его таким, каким, быть может, никто и не был. Ведь я не доискиваюсь, кто это был, а исследую, каково должно быть то непревзойденное совершенство, которое редко или даже никогда не встречалось мне в речи выдержанным с начала до конца, но то и дело просвечивало то тут, то там, у иных чаще, у иных, быть может, реже, но везде одно и то же.

Однако я утверждаю, что и ни в каком другом роде нет ничего столь прекрасного, что не уступало бы той высшей красоте, подобием которой является всякая иная, как слепок является подобием лица. Ее невозможно уловить зрением, слухом или иным чувством, и мы постигаем ее лишь размышлением и разумом. Так, мы можем представить себе изваяния прекраснее Фидиевых, хотя не видели в этом роде ничего совершеннее, и картины прекраснее тех, какие я называл. Так и сам художник, изображая Юпитера или Минерву, не видел никого, чей облик он мог бы воспроизвести, но в уме у него обретался некий высший образ красоты, и, созерцая его неотрывно, он устремлял искусство рук своих по его подобию.

Слепок – посмертная маска, положенная в храме и знаменовавшая для родственников обожествление умершего.

Фидий (ок. 490–ок. 430 до н. э.) – прославленный греческий скульптор и архитектор, создатель масштабных статуй с использованием драгоценных материалов – золота и слоновой кости. Далее имеется в виду его статуя Зевса в Олимпии, признанная в античности одним из чудес света, и его статуя Афины Поборницы в Парфеноне, так же как и статуя Зевса, полностью покрытая золотом и слоновой костью. Цицерон доказывает, опираясь как раз на понимание «идеи» как «замысла», что высшая красота неизъяснима и непостижима, поскольку представляет собой ту ценность и тот восторг, выше которого мы ничего не можем помыслить. В христианское время это положение античной риторики повлияло на представления о Боге как о неизъяснимой вспышке света, постигаемой только умом.

И вот, так же как в скульптуре и живописи есть нечто превосходное и совершенное, мыслимому образу которого подражает то, что предстает нашим очам, так и образ совершенного красноречия мы постигаем душой, а его отображение ловим слухом. Платон, этот достойнейший основоположник и наставник в искусстве речи, как и в искусстве мысли, называет такие образы предметов идеями и говорит, что они не возникают, но вечно существуют в мысли и разуме, меж-

ду тем как все остальное рождается, гибнет, течет, исчезает и не удерживается сколько-нибудь долго в одном и том же состоянии. Поэтому, о чем бы мы ни рассуждали разумно и последовательно, мы должны возвести свой предмет к его предельному образу и облику.

Основоположник (auctor) – многозначное слово, означавшее одновременно «автор» (создатель какого-то учения) и «авторитет» (лицо, близкое божеству, как бы полубог, обладающее божественными полномочиями учреждать новые культы, науки и правила).

Но я вижу, что это мое вступление исходит не из рассуждений об ораторском искусстве, но почерпнуто из самых недр философии, да к тому же древней и несколько темной. Это вызовет, быть может, порицание и во всяком случае – удивление. Читатели будут или удивляться, какое отношение имеет все это к нашему предмету (но когда они разберутся в самом предмете, то убедятся, что недаром я начал речь издалека), или порицать, что мы ищем нехоженных путей и покидаем торные.

Недра – в оригинале буквально: «центр», «центральное» (media), центральная проблематика, до которой обычно не добираются те, кто не изучал философию систематически.

Я и сам понимаю, как часто кажется, что я говорю нечто новое, когда я лишь повторяю весьма старое, но многим незнакомое; и все же я заявляю, что меня сделали оратором

– если я действительно оратор, хотя бы в малой степени, – не риторские школы, но просторы Академии. Вот истинное поприще для многообразных и различных речей: недаром первый след на нем проложил Платон.

Академия – основанная Платоном философская школа, находившаяся в саду: поэтому Цицерон и говорит о «просторе», в отличие от классов риторических школ, требовавших систематических занятий и отработки поз при выступлении (как стоять, как повернуться, как пройти по сцене), вроде наших танцевальных школ. Сам Цицерон в юности общался с философами, в том числе выходцами из Афин, а затем, опасаясь как судебный оратор мести Суллы, некоторое время скрывался в этом городе, заодно изучал здесь философию, в том числе платоническую.

Как он, так и другие философы в своих рассуждениях бранят оратора и в то же время приносят ему великую пользу. Ведь от них исходит, можно сказать, все обилие сырого материала для красноречия; но этот материал недостаточно обработан для процессов на форуме, так как философы, по их обычному выражению, предоставляют это более грубым музам.

Сырой материал (silva, «древесина, лес, строительный материал», в философский оборот вошел другой перевод, materia) – совокупность фактов и рассуждений, из которых можно строить речь. Цицерон имеет в виду, что философы наиболее проницательны,

а значит, предлагают лучшие аргументы, хотя в политическом и судебном красноречии трудно использовать слишком отвлеченные аргументы.

Грубые музы – выражение из «Федра» Платона, означающее ремесла, лишённые созерцания, высшей созерцательной цели, такие как судебное дело, дело «стряпчих».

Такое презрение и пренебрежение философов к судебному красноречию лишило его многих важных средств; зато, блистая украшениями слов и фраз, оно имело успех у народа и не боялось сурового суда немногих. Вот как оказалось, что людям учёным недостает красноречия, доступного народу, а людям красноречивым – высокой науки.

Немногие – философы, осуждающие судебную риторику за верхоглядство и низость целей. Это можно сравнить с тем, что учёные люди сейчас иногда презируют массовую культуру.

Так заявим же с самого начала то, что станет понятнее потом: без философии не может явиться такой оратор, какого мы ищем; правда, не все в ней заключено, однако польза от нее не меньше, чем польза актеру от палестры (ведь и малое нередко можно отлично сравнить с великим). Действительно, о важнейших и разнообразнейших предметах никто не может говорить подробно и пространно, не зная философии.

Палестра – гимнастическая школа в древней Греции; переносно: систематические занятия спортом,

которые оказываются нужны актеру для выносливости на сцене. Так и оратор, изучавший философию, сможет дольше продержаться на трибуне и выступать увереннее.

Так, и в «Федре» Платона Сократ говорит, что даже Перикл превосходил остальных ораторов оттого, что учителем его был физик Анаксагор: от него-то, по мнению Сократа, и усвоил он много прекрасного и славного, в том числе – обилие и богатство речи и умение известными средствами слова возбуждать любые душевные движения, а это главное в красноречии. То же самое надо сказать и о Демосфене, из писем которого можно понять, каким усердным был он слушателем Платона.

В «Федре» Платона Сократ говорит лишь о том, что Перикл научился у Анаксагора умению рассуждать на любую свободную тему, причем в высоком, а не привычном ключе. Про воздействие на душевные движения (аффективное воздействие) добавил сам Цицерон, имея в виду задачу риторики *movere* – волновать душу.

Далее, без философского образования мы не можем ни различить род и вид какого бы то ни было предмета, ни раскрыть его в определении, ни разделить на части, ни отличить в нем истинное от ложного, ни вывести следствия, ни заметить противоречия, ни разъяснить двусмысленное. А что сказать о природе вещей, познание которой доставляет столь

обильный материал для оратора? И можно ли что-нибудь сказать или понять относительно жизни, обязанностей, добродетели, нравов, не изучив эти предметы сами по себе?

В этом абзаце перечислена последовательность дисциплин в философских школах того времени: сначала изучали логику, потом – физику, наконец – этику. Те разделы философии, которые не вмещались в эту схему, посвященные общим вопросам бытия, назывались «метафизикой», буквально «после физики» – их изучали после физики, но перед этическими вопросами как относящимися уже к дальнейшей жизненной практике, к политической карьере после окончания обучения.

Все эти столь важные мысли должны обрести несчетные украшения: этому одному и учили в наше время те, кого считали учителями красноречия. Оттого никто и не обладает истинным и совершенным красноречием, что наука о вещах существует сама по себе, наука о речах – сама по себе, и люди у одних наставников учатся мыслить, у других говорить.

Украшения (ornamenta) – любые способы придать речи убедительность.

Так и Марк Антоний, которого поколение наших отцов признавало едва ли не первым в красноречии, муж от природы пронизательный и здравомыслящий, в единственной оставленной им книге заявляет, что видывал много людей речистых, но ни одного красноречивого. Из этого видно, что

у него в душе обретался некий образ красноречия, который он постигал воображением, но в действительности не видел. Итак, даже этот человек самого тонкого ума, требуя многого от себя и от других, не видел решительно никого, кто по праву мог бы называться красноречивым; и раз уж он не считал красноречивым ни себя, ни Красса, то, конечно, он заключал в душе такой образец красноречия, который решительно обнимал все, и поэтому не мог подойти к тем, кому чего-то (а иной раз и очень многого) не доставало.

Марк Антоний (143–87 до н. э.) – оратор, учитель Цицерона, которого нельзя путать с его знаменитым политическим противником. По свидетельству Цицерона, Марк Антоний был широко образован в греческой философии и риторике, но скрывал свое образование, чтобы его речи воспринимались как сказанные экспромтом и потому казались более убедительными. По этой же причине он запрещал записывать свои речи, его единственным сочинением был небольшой учебник красноречия, до нас не дошедший.

Луций Лициний Красс (140–91 до н. э.) – оратор, политик и государственный деятель, юрист, педагог риторики. Красс был представителем «азианской» школы красноречия, требовавшей говорить пышно и величаво, приближая речь к поэзии, со множеством звуковых ухищрений и других украшений. «Азианской» школе противостояла «аттическая», равнявшаяся на афинских ораторов и требовавшая

сразу переходить к сути дела и создавать однозначный смысл и впечатление. Далее Цицерон приводит подробные стилистические характеристики азиатского, аттического и среднего родов красноречия, с целью доказать, что эта вражда двух школ мнимая и, к примеру, классик аттического красноречия Демосфен не укладывается в его рамки.

<...> Речь бывает трех родов: иные отличались в каком-нибудь отдельном роде, но очень мало кто во всех трех одинаково, как мы того ищем. Были ораторы, так сказать, велеречивые, обладавшие одинаково величавой важностью мыслей и великолепием слов, сильные, разнообразные, обильные, важные, способные и готовые волновать и увлечь души, причем одни достигали этого речью резкой, суровой, грубой, незавершенной и незакругленной, а другие — гладкой, стройной и законченной. Были, напротив, ораторы сухие, изысканные, способные все преподать ясно и без странности, речью меткой, отточенной и сжатой; речь этого рода у некоторых была искусна, но не обработана и намеренно уподоблялась ими речи грубой и неумелой, а у других при той же скудости достигала благозвучия и изящества и бывала даже цветистой и умеренно пышной. Но есть также расположенный между ними средний и как бы умеренный род речи, не обладающий ни изысканностью вторых, ни бурливостью первых, смежный с обоими, чуждый крайностей обоих, входящий в состав и того и другого, а лучше сказать, ни того, ни

другого; слог такого рода, как говорится, течет единым потоком, ничем не проявляясь, кроме легкости и равномерно-сти: разве что вплетет, как в венок, несколько бутонов, приукрашивая речь скромным убранством слов и мыслей.

Бутон (torus) – также «узел», прямая логическая связь или простой понятный пример, необходимый, чтобы речь не воспринималась как совершенно пышная и фантастическая. Образ взят из навыка плетения венков, требовавших таких узлов – как бы приведение всех рассуждений к одному простому примеру.

<...> Я и сам воздал немалую хвалу римлянам в своем «Бруте» как из любви к своим, так и из желания ободрить других; но я помню, что намного выше всех я поставил Демосфена и что только его сила ближе соответствует тому красноречию, о котором я мечтаю, а не тому, какое мне знакомо по другим ораторам. Никто не превзошел его ни в важности, ни в изяществе, ни в умеренности. А тем, чье у нас распространилось невежественное учение и кто желает именовать аттиками или даже говорить по-аттически, не мешает указать, чтобы они подивились на этого мужа, который, по-моему, был аттичнее самих Афин, и чтобы они поучились у него, что такое аттичность, и взяли бы за образец красноречия его мощь, а не свое бессилие.

Цицерон так набрасывается на современных ему последователей аттической школы красноречия, вероятно, из нежелания следовать моде, собираясь сам

дать философское, а не политическое обоснование риторики.

Ведь у нас теперь каждый хвалит только то, чему сам способен подражать. Однако для тех, кто увлечен лучшими стремлениями, но слишком слаб в суждениях, я считаю не лишним объяснить, чем на самом деле заслужили аттики свою славу.

Красноречие ораторов всегда руководилось вкусом слушателей. Всякий, кто хочет иметь успех, следит за их желаниями и в согласии с ними слагает свою речь целиком применительно к их суждениям и взглядам. Так, Кария, Фригия и Мизия, наименее образованные и наименее разборчивые, усвоили приятный их слуху надутый и как бы ожирелый род красноречия, которого никогда не одобряли даже их соседи родосцы, отделенные от них лишь узким проливом, не говоря уже о греках.

Кария, Фригия и Мизия – земли Передней Азии. Цицерон довольно грубо нападает на азиатское красноречие, противопоставляя малоазийским грекам греков острова Родос, где была своя сильная риторическая школа.

Афиняне же его решительно отвергали. Всегда обладая разумным и здравым суждением, они умеют слушать только неиспорченное и изящное; и оратор, повинувшись их чувству, не смел вставить в речь ни единого необычного или непри-

ЯТНОГО СЛОВА.

Повинуясь их чувству – буквально, «следуя их религии», то есть их убеждениям и доверию к высшим мотивациям поступков. Необычное слово – не общеупотребительное, неприятное слово – вызывающее слишком грубые аффекты, например, ненависть (что сейчас называют hate speech).

Так и тот, о ком мы сказали, что он превосходит всех остальных, в своей решительно лучшей речи за Ктесифонта, начав униженно, в рассуждении о законах стал говорить все более веско, постепенно воспламеняя судей, а когда увидел, что они уже разделяют его пыл, то в остальной части речи смело неся во весь опор. Но все же, хоть он и тщательно взвешивал каждое слово, Эсхин упрекал его за многие выражения, понося их и насмешливо называя грубыми, противными, несносными; он даже обозвал его диким зверем и спросил, слова ли это или чудовища. Таким образом, Эсхину даже речь Демосфена не казалась аттической.

Эсхин (389–314 до н. э.) – аттический оратор, политик, политический противник Демосфена, основатель риторической школы на Родосе.

Конечно, легко выхватить какое-нибудь слово, так сказать, с самого пылу, а потом высмеивать его, когда огонь в душе у каждого погаснет; и Демосфен шутливо оправдывался, заявляя, что не от того зависят судьбы Греции, в какую сторону он простер руку или какое слово употребил. Но ес-

ли даже Демосфена порицали афиняне за неестественность, как могли бы они слушать мизийца или фригийца? В самом деле, если бы он начал петь, играя голосом и зазывая на азиатский лад, кто бы стал его слушать? Или, лучше сказать, кто бы не приказал ему убраться?

Эффект разочарования в пылкой речи после того, как она оказывается повторно прочитана или обдумана, хорошо известен. Например, в русской культуре Пушкинская речь Достоевского воспринималась всеми слушателями как идеальное выражение их собственных мыслей, притом что они стояли на противоположных общественных и политических позициях, тогда как ее печатный вариант многих если не разочаровал, то оставил вопросы.

Простер руку – жестикуляция и походка были исключительно важны в риторике: по сути, ритор завораживал слушателей как танцор и было важно, как он движется. Поэтому выкинутая рука – такой же жест, как прыжок в танце.

Таким образом, только о тех, кто сообразуется с чуткостью и строгостью аттического слуха, можно сказать, что они говорят по-аттически. Есть много родов такой речи, но наши ораторы замечают лишь один. Если кто говорит неровно и небрежно, лишь бы получалось четко и ясно, – только такую речь и признают аттической. Правильно, что аттической; неправильно, что только такую.

С чуткостью и строгостью – буквально: «с ушами

закругленными и религиозными», то есть способными уловить каждое слово, а не общие впечатления, и воспринимающими любую речь, имеющую прямое отношение к политическим судьбам страны, всерьез.

Если, по их мнению, только в этом и заключается аттичность, то по-аттически не говорил и сам Перикл, без спору считавшийся первым оратором: будь он приверженцем простого красноречия, никогда бы не сказал поэт Аристофан, будто он гремит громом и мечет молнии, приводя в смятение всю Грецию. Пусть говорит по-аттически Лисий, чей слог столь приятен и отделан (кто с этим спорит?); но надо понимать, что аттичность Лисия состоит не в простоте и неприкрашенности, но в отсутствии необычного и неуместного. Или пышная, важная и обильная речь также может быть аттической, – или ни Эсхина, ни Демосфена нельзя считать аттиками.

Гремит громом – описание эффекта «возвышенного», создания впечатляющих образов, которые не могут быть рождены лишь навыками аттического политического или судебного красноречия, вроде «спецэффектов» в современном массовом кинематографе. Эти «спецэффекты» создавались с помощью интенсивной звукописи и нагромождения необычных метафор – а и то и другое в аттическом красноречии считалось чрезмерным. Имеется в виду шуточное сравнение Перикла с разгневанным Зевсом в одной из комедий Аристофана.

Но иные объявляют себя даже последователями Фукидида! Вот некий новый и неслыханный род красноречия, сразу изобличающий невежество изобретателей. Ведь те, кто подражает Лисию, подражают, по крайней мере, речи судебного оратора: пусть в ней нет пространности и величия, но в ней есть точность и изящество, и с нею можно успешно выступить на форуме перед судьями. А Фукидид повествует о подвигах, войнах и битвах, в его рассказе есть достоинство и важность, но для речи перед судом или перед народом отсюда нечего заимствовать. Даже в его знаменитых речах столько темных и неясных выражений, что их с трудом понимаешь, а в политической речи это едва ли не самый тяжкий недостаток.

Речи — в «Истории» Фукидида приводится, в частности, речь Перикла, сочиненная по большей части самим историком, любившим для оживления действия вкладывать в уста персонажей подробные речи с обоснованием их позиции. В этой речи Перикл оказывается создателем идеологии жизни Афин, например: «Мы любим красоту, но никогда не забывая о простоте, и занимаемся философией, но никогда не утрачивая мужества». Афористичность и декларативность таких речей казались Цицерону темной: афоризмы всегда многосмысленными.

Что за странная извращенность в людях: владея хлебом, поедать желуди? или афиняне, научив людей земледелию, не научили их заодно и красноречию? Наконец, кто из грече-

ских риторов когда-нибудь что-нибудь почерпнул из Фукидида? – «Но все его хвалят!» – Согласен, но хвалят его за разумное, правдивое и серьезное объяснение событий: не за то, что он ведет процесс в суде, а за то, что он ведет повествование о войнах в своей истории.

Поедать желуды – намек на предание, что до появления земледелия в Аттике афиняне занимались собирательством и потому питались в основном желудями.

Поэтому он никогда и не считался оратором, и если бы он не написал историю, имя его неминуемо забылось бы, хоть он и был человек видный и знатный. Но и у него никто не вдохновляется важностью слов и мыслей: напротив, все, кто говорит обрывисто и бессвязно, для чего и образца-то никакого не требуется, мнят себя чистокровными Фукидидами. Я встречал даже такого, который стремился уподобиться Ксенофону, чья речь, действительно сладостнее меда, но вовсе чужда шуму форума.

Знатный – Фукидид принадлежал к фракийской царской династии и был весьма богат как владелец золотодобычи во Фракии.

Ксенофонт (ок. 430–356 до н. э.) – афинский писатель, ученик Сократа, речи которого действительно сравнивались с медом. Сравнение красноречия с производством меда есть у поэта Пиндара, оно стало стандартной расхожей похвалой хорошему оратору.

...Самое трудное во всяком деле – это выразить, что представляет собою тот образ лучшего, который у греков называется *характёр*, ибо один считает лучшим одно, другой другое. Я люблю Энния, говорит один, потому что Энний не отходит от обычного словоупотребления; а я Пакувия, говорит другой, у него все стихи пышны и отделаны, Энний же во многом небрежен; третий, допустим, любит Акция; так все по-разному судят о латинских писателях, как и о греческих, и нелегко выяснить, что же будет всего превосходнее.

Характер (Цицерон любил блеснуть греческим словом в латинской речи для своих) – понятие, означающее буквально «черту», «след», «штамп», «марку», иначе говоря, устойчивые опознаваемые качества какого-то предмета.

Энний, Пакувий и Акций – ранние римские эпические поэты: Энний, как наиболее ранний, считался и наиболее простым.

Так же и в картинах одни любят резкое, грубое, темное, а другие блестящее, радостное и светлое. Что же можно взять как некоторый образец или устав, если каждая вещь замечательна в своем роде, а родов так много? Но такое сомнение не остановило меня в моей попытке: я рассудил, что во всех предметах есть нечто самое лучшее, и если даже оно скрыто, человек сведущий может в него проникнуть.

В картинах... – в тогдашней живописи могли цениться изображения неприятных вещей

(фантастических чудовищ, катастроф, пугающих эпизодов из мифологии), в противовес изображению привлекательных вещей в натюрмортах, пейзажах и некоторых приятных мифологических сценах. Русскому читателю можно для сравнения напомнить, соответственно, «Последний день Помпеи» Брюллова и «Утро в сосновом лесу» Шишкина и Савицкого или же сравнить триллер и комедию в кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.